

УДК 81.2

ББК 81.2 (Кор.)

A724

А. Б. Антонова

Иркутск, Россия

Ким Чжиён

Сеул, Корея

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В лексическом составе фразеологизмов с анималистическим компонентом как русского, так и корейского языков содержится указание на национальное своеобразие. Большинство фразеологических единиц, описывающих внешний облик и характер человека в русской и корейской лингвокультурах, представляют собой компаративы, которые структурно состоят из прилагательного, союза *как* и существительного – зоонима. Компаративные фразеологизмы русского и корейского языков могут иметь как соответствия, так и различия в анималистическом компоненте.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультура, зооним, компаратив, символизировать, русский язык, корейский язык.

A. B. Antonova

Irkutsk, Russia

Kim Jiyeon

Seoul, Korea

THE STRUCTURAL-SEMANTIC PECULIARITIES OF ANIMALISTIC PHRASEOLOGISMS DESCRIBING A HUMAN'S APPEARANCE AND CHARACTER IN RUSSIAN AND KOREAN

The Russian and Korean animalistic phraseologisms indicate national peculiarities. Most phraseologisms describing a human's appearance and character in Russian and

Korean linguocultures are comparative units which structurally consist of an adjective, conjunction *as* and a noun – zoonym. Russian and Korean comparative phraseological units can have both equivalent and nonequivalent zoonymic components.

Key words: phraseological unit, linguoculture, zoonym, comparative unit, to symbolize, the Russian language, the Korean language

Большинство фразеологических единиц, описывающих внешний облик и характер человека в русской и корейской лингвокультурах, представляют собой компаративные фразеологические единицы (далее – ФЕ). По мнению В. Н. Телии, компаративные ФЕ выступают как своего рода некие шаблоны культурно-национального миропонимания, как достояние группового сознания. Такие ФЕ служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно ее оценивания в образах-эталонах [Телия, 1996]. Компаративные фразеологические обороты показывают как общие характеристики жизни разных народов, так и особенности их жизни и быта, отражающиеся в образном мышлении данного человеческого коллектива [Ройзензон, 1968]. Компаративные фразеологизмы представляют собой превращенную форму деятельности, характерную для данной общности, и вскрывают оценочные эталоны той или иной лингвокультурной общности [Шмелева, 1988].

Компаративные ФЕ русского и корейского языков могут иметь как соответствия, так и различия в компонентах-зоонимах. Анималистические ФЕ могут обозначать физические характеристики человека: русск. *жирный как свинья* корейск. *доэджи гачхи тунътунъхан* (букв. толстый как свинья); русск. *худой как селедка* корейск. *мёльчхигатхын* (букв. как японский анчоус (мёльчи)). В русской и корейской лингвокультурах образ свиньи символизирует неопрятного человека. Ср. в русском языке – *грязный как свинья*, в корейском – *твэджи-нын хырин мур-ыль чоаханда* – «свинья любит мутную воду».

Н. А. Скитина, проводя лингвокогнитивный анализ ФЕ с зоонимным компонентом в русском, английском и немецком языках, говорит о том, что в русском

языке внешний облик человека описывается достаточно подробно, при этом отсутствуют ФЕ с положительной оценкой [Скитина, 2007]. Отрицательная оценка внешности человека представлена в следующих фразеологизмах: *коровьи глаза* (большие глаза); *козлиная бородка*; *неуклюжий как медведь*; *тюлень* (крупный мужчина); *серая мышь* (о неприметной девушке); *одет, как конь на ярмарке* (о чрезмерно наряженном человеке); *идёт, как корове седло* (об одежде, которая не подходит человеку по размеру или стилю) и др. Хотим отметить, что мы не совсем согласны с данным утверждением, поскольку считаем, что в русском языке присутствуют как ФЕ без отрицательных коннотаций, например, *гусиные лапки* (морщинки у глаз); *сильный как слон*, так и ФЕ с положительной оценкой: *стройная как лань* (о стройной девушке).

Русская ФЕ *зевать как бегемот* соотносится с устойчивым сравнением в корейском языке: *иб-э пхари тырокагетта* (словно муха залетит в рот), которое используется при описании откровенно зевающего или сидящего с открытым ртом человека.

Наиболее широко представлены в обоих языках сравнительные обороты, описывающие черты характера. Так, эталоном упрямства в корейской ментальности выступает бык/вол: *хоанъсо гатхын годжиб* (букв. упрямство как у быка/вола) (ср. русское сравнение *упрямый как осел*). В русском языке в устойчивых сравнениях для концептуализации упрямства используются также образы барана и козла, а в корейском образ осла используется для олицетворения неблагодарности: *ынхе-рыль морынын кон танънагвиппун-ида* – «только ослу неведома благодарность» [Кулик, 2014, с. 85]. В корейском традиционном эталонном сравнении *гомчором мирёнхада* (букв. глупый как медведь) медведь олицетворяет глупость, а в русской компаративной фразеологической единице *глупый как сивый мерин* образцом глупости является мерин, медведю же приписываются такие качества, как сила, крепкое телосложение, неуклюжесть (ср. *неуклюжий как медведь*; *сильный/здоровый как медведь*). Образ медведя (*ком*) в корейских ФЕ олицетворяет не только глупость, но и грубость: *удунхаги-нын ком-ира* – «груб, как медведь».

И в русском и корейском языках символом хитрости выступают образы лисы (корейск. *йоу*) и змеи: русск. *хитрый как лиса*, корейск. *йоу гатта/ пэньньон мугын йоу* (букв. как лиса) / *кансахаги-нын йоу сэкки-да* – «коварен, как лиса (букв. лисенок)». В корейской лингвокультуре хитрого человека принято сравнивать не только с лисой и змеей, но еще и с кошкой. В корейском языке помимо полного структурно-семантического эквивалента существует еще функционально-смысловой эквивалент *коянъи джи сэннакхадым* (заботиться как кошка о мышши). В корейском языке зловердного человека сравнивают с питоном: *ёнъ мотдойн имуги гатта* (букв. как питон, не ставший драконом).

О том, что натура и характер человека – неизменные характеристики, свидетельствуют фразеологизмы *как волка ни корми, а он все в лес смотрит; волк и каждый год линяет, а всё сер бывает*.

Прототипически важными в построении концепта «трусость» в русском языке являются образы зайца и лани: *трусливый как заяц; пугливый как лань*. Для характеристики покорного, смиренного, беспомощного человека в русском языке используются также образы ягнёнка и овцы: *заблудшая овца; невинный барашек*. В корейском языке олицетворением пугливости, беззащитности и безобидности помимо зайца (*тхокки*): *тхокки че парам-е нолланда* – «заяц пугается своего же шороха», является косуля (*нору*): *нору че панъгви-е нолланда* – «косуля издала звук и сама же его испугалась». Функционально-семантическим эквивалентом русской ФЕ *трусливый как заяц* в корейском языке является выражение *сэгасым* (грудь (душа) птицы).

При концептуализации трусости и коварства в русском языке используются и образы собаки: *не бойся собаки брехливой; не бойся собаки, которая лает; молчан-собака исподтишка хватает*. В корейском языке собака (*кэ*) – один из наиболее распространенных образов. Причем с его помощью изображаются и положительные и отрицательные качества. Так, например, образ собаки используется для передачи таких отрицательных качеств, как неблагодарность, жадность, драчливость и т. п. Например: *нэ пап мोगын кэ-га пальттивичхук мунда* –

«съевшая мою кашу собака меня же и кусает за пятки»; *ттонъ мудын кэ ке му-дын кэ-рыль намуринда* – «вымазанная дерьмом собака хулит запачканную отрубями»; *санаун кэ чудунъ амуть сэ опта* – «у злой собаки раны на морде не заживают». Из положительных качеств представлены такие, как привязанность, преданность своему хозяину. *Кэсэки-до чуин-ыль помйон ккори-рыль чоннында* – «щенок, и тот виляет хвостом, когда увидит (своего) хозяина» и т. п. В русском языке собака также может олицетворять амбивалентность положительных и отрицательных качеств. Ср.: *злой как собака и верный как собака*.

Образ щенка (*канъаджи*) в корейских пословичных изречениях часто связан с представлением о неразумности, глупости и наивности. Например: *хару канъаджи пом мусоун чуль морында* – «новорожденный щенок тигра не боится».

Образ кошки (*коянъи*), как и собаки – один из излюбленных в корейских ФЕ. Ее образ несет отрицательную нагрузку, выступая символом вредности, жадности и хищности. Например: *моттвеги-нын коянъисэки-да* – «вредный, (как) кот»; *коянъи коги пого талльодыльдыт* – «набрасывается, как кошка на мясо» и т. п.

Медлительность в русском и корейском языках представлена с помощью образа черепахи (корейск. *кобук*): русск. как черепаха, корейск. *кобуки чором / кобуки гачи* (как черепаха); *тхокки канын те кобуги-до канда* – «куда добежит заяц, туда доберётся и черепаха». В корейском языке существует еще один функционально-смысловой эквивалент *Канг Тхе Конг и севол накттыт ханда* (словно как Канг Тхе Конг лобит рыбу сегодня). Канг Тхе Конг – это легендарный китайский рыбак, который жил в давние времена, и знаменит тем, что всю жизнь провел, занимаясь рыбной ловлей, подолгу ожидая, когда крючок его удочки заглотит рыба. Необходимо отметить, что в русском языке ФЕ *как черепаха* этим корейским сравнениям тождественна лишь отчасти, поскольку в русской лингвокультуре это сравнение используют, когда хотят подчеркнуть слишком медленное преодоление расстояния, или когда говорят об отрезке времени, которое кажется

очень долгим [Лебедева, 2003]. В корейской лингвокультуре для описания медлительности и неповоротливости используются также образы краба (*ке*) и рака (*каджэ*). Например: *каджэ корым* – «(как) рак ползет».

Быстроту и проворность в корейском языке символизирует лошадь (*маль*): *чэппарыги-нын мар-ида* – «быстрый, как конь»; в русском – лань: *быстрый как лань*.

Назойливость в двух лингвокультурах символизирует муха (корейск. *пхари*): *надоедливый как муха*, корейск. *паричором сиккылабда*. С другими насекомыми – комаром (корейск. *моги*) и блохой (корейск. *пйорук*) в обоих языках связаны представления о малом и слабом, недостойном серьезного внимания.

Чрезмерно разговорчивого человека в русском языке сравнивают с сорокой: *трещит как сорока*. В корейском языке болтливость символизирует попугай (*эньмусэ*): *маль чаль ханын эньмусэ* – «болтлив, как попугай». Болтливость и шумность ассоциируется и с воробьями (*чхамсэ*): *Чхамсэ-рыль покка могонна? чаджальгориги-до ханда* – «Ты что, воробьев жареных наелся, что так чирикаешь?»

Забывчивого человека в корейской лингвокультуре сравнивают с вороной (*ккамагви*), чей образ всегда предстает в ФЕ как отрицательный. *Ккамагви аль кка могонна?* – «Ты что, воронье яйцо выпил?» (т. е. почему так быстро забываешь?). Интерпретировать данный фразеологический оборот можно следующим образом: ворона обычно крадет куриные или голубиные яйца и прячет их от своих соплеменниц. Однако часто ей самой приходится долго искать их, так как она забывает, где их спрятала.

Итак, можно сделать вывод, что большинство ФЕ, описывающих внешность и характер человека в русском и корейском языках, представляют собой компаративы. Некоторые из фразеологизмов с зоонимным компонентом, на первый взгляд, очень сложно осмыслить. Однако анализ семантики указывает на сравнение характеристик человека и признаков животного. Основой для аналогии могут являться повадки представителей животного мира, их внешние признаки,

наблюдаемые действия и др. Фразеологизмы с зоонимами передают национальную специфику русского и корейского языков.

Библиографический список

1. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
2. *Ройзензон С. И.* Отражение реалий в сравнительных устойчивых оборотах. Мат-лы XXV научной конференции проф.-преп. состава СамГУ им. А. Навои. – Самарканд, 1968. – С. 126–139.
3. *Шмелева Т. В.* К проблеме национально-культурной специфики эталона сравнения (на мат-ле английского и русского языков) // *Этнопсихоллингвистика*. М.: Наука, 1988. С. 120–124.
4. *Скитина Н. А.* Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 20 с.
5. *Кулик А. Э.* Русские и корейские сравнения в сопоставительном аспекте // *Русский язык и литература*. – 2014. – № 26 (5). – С. 77–90.
6. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский университет, 2003. 300 с.

References

1. *Teliya V. N.* Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. – M. : The languages of Russian Culture, 1996. – 288 p. (in Russian)
2. *Rojzenzon S. I.* The reflection of realia in comparative set expressions. XXV Scientific conference proceedings (Samarkand State University named after A. Navoi). – Samarkand, 1968. – P. 126-139. (in Russian)
3. *Shmeleva T. V.* About the national-cultural peculiarities of the standard of comparison (on the basis of English and Russian) // *Ethnopsycholinguistics*. – M. : Nauka, 1988. – P. 120-124. (in Russian)
4. *Skitina N. A.* Linguo-cognitive analysis of phraseological units with zoonymic component (on the basis of Russian, English and German) (PhD thesis). – M., 2007. – 20 p. (in Russian)
5. *Kulik A. EH.* Russian and Korean comparative units in a comparative aspect // *Russian and Literature*. – 2014. – № 26 (5). – P. 77-90. (in Russian)
6. *Lebedeva L. A.* Russian comparative set expressions: Short thematic dictionary. – Krasnodar: Kuban University, 2003. – 300 p. (in Russian)